

Литература

5. Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М.: Наука, 1990. 238 с.
 6. Ильюшенко М.П. История делопроизводства в дореволюционной России. М.: РГГУ, 1993. 768 с.
 7. Варадинов Н.В. Делопроизводство, или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одиночному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1857.
 8. РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 7–9. Л. 4.
 9. РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 262. Л. 1–67.
-

Международные связи советских генетиков в 1965–1991 гг. (по материалам Новосибирского научного центра)

С.В. Шалимов

Одним из важных аспектов возрождения отечественной генетики начиная с середины 1960-х гг. являлась интеграция советских биологов в международное научное сообщество. Расширение зарубежных контактов было неотъемлемым элементом преодоления «лысенковщины». Так, в постановлении Президиума АН СССР от 25 декабря 1964 г. «О развитии в Академии наук СССР научно-исследовательских работ в области генетики» предписывалось: «...в двухмесячный срок представить 25–30 кандидатур молодых специалистов по генетике, молекулярной биологии, биохимии, биофизике и биоорганической химии для направления их в командировку за границу на длительный срок» [1].

Следует отметить, что подобные решения принимались и в отношении Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. В частности, на заседании Президиума ЦК КПСС от 23 марта 1966 г., был одобрен проект постановления Совета Министров СССР, в котором говорилось: «Разрешить Министерству сельского хозяйства СССР ежегодно, начиная с 1968 года, направлять на стажировку в зарубежные научные учреждения до 30 научных работников на срок от 6 месяцев до двух лет с целью освоения ими новых методов исследований и глубокого изучения достижений в соответствующих отраслях науки и техники» [2].

Применительно к ведущему генетическому центру страны – Институту цитологии и генетики СО АН СССР, необходимо отметить заметное расширение международных контактов в рассматриваемый период. Это проявлялось как в визитах известных зарубежных ученых, посещавших институт, так и в увеличении числа выезжавших за границу научных сотрудников.

Как вспоминали ветераны, в те годы в институт постоянно приезжали «элитные» представители научного сообщества, которые пропагандировали свои идеи и методы, и это было хорошей школой для новосибирских генетиков. В самом деле, согласно характеристикам международных связей, которые присутствовали в отчетах института об итогах научной деятельности, каждый год ИЦиГ СО АН посещали авторитетные ино-

странные исследователи. Например, в 1965 г. в институт приезжали делегация Лондонского королевского общества, американский биохимик Роберт Циммерман. В следующем году новосибирских генетиков посетили лауреат Нобелевской премии английский биолог Питер Медавар, американский биохимик Александр Рич, а в 1967 г. известный шведский генетик Д. Мак-Кей и многие другие [3].

Касаюсь развития международных связей советских генетиков, важно выделить одно из наиболее значимых событий в отечественной биологии тех лет – Международный генетический конгресс 1978 г. в Москве, который воспринимался как яркий симптом возрождения в СССР «опальной» науки. При этом ключевую роль в организации и проведении конгресса сыграли новосибирские генетики под руководством академика Д.К. Беляева.

Так, научный еженедельник СО АН «За науку в Сибири», освещая работу конгресса, писал, что признание новосибирской школы генетиков было очевидным: Д.К. Беляев был руководителем всей советской делегации, Институт цитологии и генетики СО АН представляли 120 человек, с докладами выступили 80 ученых института, половина из которых были организаторами симпозиумов и секций, являлись председателями и сопредседателями заседаний. Более того, сразу же после конгресса 50 зарубежных ученых приехали в Новосибирск, чтобы ближе познакомиться с научными работами ИЦиГ СО АН. Среди них были всемирно известные исследователи: О. Густафссон (Швеция), К. Маркерт и Дж. Скандалио (США), Л. Мунк (Дания), Я. Тазима (Япония), Х. Беме (ГДР), А. Эслоу (Франция) и др. [4].

Тем не менее, развитие международного сотрудничества затруднялось целым комплексом факторов. Симптоматично, что уже 15 октября 1965 г. на заседании Президиума АН СССР академик М.В. Келдыш сетовал: «Мы приняли решение, что надо послать много молодого народа за границу. Не видно, чтобы это делалось» [5]. В свою очередь, в отчете о научно-организационной деятельности Отделения общей биологии АН СССР за 1967 г. отмечалась масса недостатков в организации международных научных связей. Среди них: недостаточность длительных плановых командировок за рубеж, особенно в капиталистические страны; недостаточная и несвоевременная информация о конгрессах, симпозиумах и совещаниях, проводимых за рубежом; неясность вопроса о включении тех или иных ученых в состав направляемой за рубеж группы почти до самого отъезда; чрезмерная длительность рассмотрения вопросов о вступлении в международные научные сообщества, а также о приглашении в СССР зарубежных ученых и пр. [6].

Несмотря на некоторое усиление международных контактов Института цитологии и генетики СО АН, его сотрудники также сталкивались с серьезными проблемами. Во-первых, в заграничные командировки не ездили молодые ученые. Во-вторых, выполняемых командировок было явно недостаточно. Так, в 1965–1966 гг. в научных отчетах института неизменно присутствовала фраза о том, что заявленные институтом заграничные командировки не удовлетворяются, что мешает не только международным связям института, но и преодолению имеющегося отставания в области генетики. В течение следующих нескольких лет требования изменились и в документах 1969–1970 гг. появилась фраза о необходимости проведения «постоянных консультаций у специалистов для совершенствования языковой подготовки», а также о необходимости организовать «длительные командировки сотрудников для стажирования в лучших зарубежных лабораториях» [7].

Как известно, «железный занавес» всегда создавал советским ученым немало проблем. Так, ряд документов свидетельствуют о том, что на протяжении всего изучаемого периода новосибирские генетики сталкивались с трудностями в этой сфере.

Например, на открытом партийном собрании ИЦиГ СО АН, проходившем 30 декабря 1971 г., научный сотрудник М.Д. Голубовский задал вопрос: «Как выполняется план стажировки научных сотрудников за границей?», на который последовал ответ заместителя директора института В.К. Шумного: «План существует, но не выполняется по неизвестным причинам» [8]. В свою очередь, на заседании партбюро института, проходившего 20 января 1982 г., присутствовавшие выслушали «информацию секретаря партийной организации А.Д. Груздева о задачах и ответственности партийного бюро за подбор и подготовку сотрудников института в заграничные командировки и туристические поездки». Выступивший на рассматриваемом заседании В.К. Шумный отметил: «В отдельных случаях служебные поездки за границу оформляются по звонкам соответствующих должностных лиц. Такие поездки заранее не спланированы и не подготовлены. В этих случаях нам надо особенно тщательно разбираться с тем, чтобы за границу ехали достойные товарищи» [9]. На открытом партийном собрании 21 апреля 1986 г. уже упоминавшийся М.Д. Голубовский указал на то, что его «дважды приглашали за рубеж – в Югославию и Венгерскую академию, но оба раза эти возможности не использовались. Почему? Лишение контактов наносит удар по профессиональному росту» [10].

При этом международным связям генетиков препятствовали не только проблемы с выездом за границу отечественных ученых, но и сложности с приглашением зарубежных коллег. В частности, об этом свидетельствует отчет о научной командировке в Польшу в 1985 г. заведующей Лабораторией феногенетики поведения Института цитологии и генетики СО АН доктора медицинских наук, профессора Н.К. Поповой. В документе сообщалось: «Практически все польские исследователи, с которыми я встречалась, сожалели о том, что научные контакты с нашей страной в последние годы резко ослабели. Они отмечали, что для них не составляет труда поехать в научные командировки в страны Западной Европы и США, но чрезвычайно трудно – в нашу страну» [11].

Другим отрицательным фактором, влиявшим на укрепление международных научных контактов, была слабая публикационная активность советских генетиков за границей. Так, в 1968 г. научные сотрудники ИЦиГ СО АН В.А. Ратнер и Л.И. Корочкин, участвовавшие в XII Международном генетическом конгрессе в Токио, подготовили статью «Генетика – 1968 г. на фоне Японии». В публикации с сожалением констатировалось: «Языковой барьер, незнание русского языка и отсутствие советских изданий на английском языке (как это практикуется в Венгрии, Польше и Чехословакии) делает мало доступными советские работы для западного читателя, несмотря на явный интерес к советской науке в целом с их стороны» [12]. Видимо, в последующие годы не произошло кардинальных изменений. В частности, 20 февраля 1984 г. на заседании Объединенного ученого совета по биологическим наукам СО АН Д.К. Беляев говорил: «Я заметил по таблице чрезвычайно низкий, близкий к нулю процент публикаций в большинстве институтов за границей. В чем тут дело? Почему наши институты так неактивны в пропаганде достижений советской науки за рубежом?» [13].

Таким образом, в рассматриваемые годы наблюдается заметное расширение международных научных связей. Однако «железный занавес», трудности с выездом советских ученых за границу, наряду с языковым барьером являлись существенным препятствием для полноценного включения советских генетиков в международное научное сообщество.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-33-01295.

Литература

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 6. Д. 504. Л. 55.
 2. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 33. Д. 92. Л. 109.
 3. См., напр.: Научный архив СО РАН (НАСО). Ф. 10. Оп. 5. Д. 126. Л. 24.
 4. За науку в Сибири. 1978. 28 сент.
 5. РАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 544. Л. 86.
 6. РАН. Ф. 1677. Оп. 1. Д. 34. Л. 193–194.
 7. См., напр.: НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 201. Л. 44.
 8. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-269. Оп. 6. Д. 740. Л. 68.
 9. ГАО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 751. Л. 55.
 10. ГАО. Ф. П-269. Оп. 6. Д. 755. Л. 9.
 11. НАСО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 384. Л. 22.
 12. За науку в Сибири. 1968. 3 дек.
 13. НАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 111. Л. 27.
-

Карта Птолемея и «тайный» меридиан Эратосфена

Д.А. Щеглов

Эратосфен за основу своей карты принимал меридиан, проведённый через Мероэ, Александрию, Родос, Геллеспонт и устье Борисфена (F 25 Roller = F II A1 Berger = Str. 1.4.1 C62; F II C2 Berger = F 35 Roller = Str. 1.4.2 C62-63). Этот меридиан или его отдельные элементы принимали также Гиппарх (F X9 Berger = F 30 Dicks = Str. 2.1.39 C91; F III Berger = F 35 Dicks = Str. 1.4.1 C62; F V2 Berger = F 39 Dicks = Str. 2.5.34 C132), Посидоний (*Cleom. Meteor.* 1.7 Todd p. 34–35), Страбон и Птолемей в «Альмагесте» (5.3 Heib. I, 1 p. 364). Страбон особо отмечает, что вдоль этого меридиана ориентировано всё побережье Малой Азии от Родоса до Византия (2.5.7 C114 = *Erat.* F III A39 Berger = F 34 Roller; 13.1.6 C584; 14.5.22 C677). Птолемей в «Географии» впервые разрушает этот меридиан и помещает ранее связываемые с ним пункты на разных долготах. Между тем, на карте Птолемея Александрия, Родос и Византий лежат на одной линии, которая наклонена относительно меридиана таким образом, что Византий оказывается на $4\frac{1}{2}^\circ$ западнее меридиана Александрии. Естественно предположить, что эта линия является элементом, оставшимся от главного меридиана Эратосфена [1].

Смещение оси Александрия – Родос – Византий с её первоначального меридионального положения неизбежно должно было отразиться на конфигурации соседних регионов. Карта Птолемея даёт основания полагать, что вместе с самой осью аналогичный сдвиг испытали также следующие области и отдельные пункты: Малая Азия и Причерноморье (Вифиния, Амис, Фасис), Передняя Азия (западная граница Мидии и Персии), Балканы и средний Дунай (Одесс, Аполлония, мыс Тенар), центральная Италия (Рим). Рассмотрим эти примеры по порядку.

I. Малая Азия. Есть три указания на то, что вместе с Византием на запад на те же $4\frac{1}{2}^\circ$ сдвинулось и всё северное побережье Малой Азии. (1) В «Альмагесте» (7.3 Heib. I,